

Бернард Монтгомери

**Краткая история
военных сражений**

«Центрполиграф»

Монтгомери Б. Л.

Краткая история военных сражений / Б. Л. Монтгомери —
«Центрполиграф»,

Эта книга – увлекательный экскурс в мир величайших исторических сражений и хитроумных военных методик. Автор дает ответы на самые разные вопросы. Почему происходят войны? Является ли война следствием присущей человеку жестокости, или же она вечный арбитр? В книге описаны важнейшие военные события человечества, начиная с греко-персидских войн Античности, походов Цезаря, падения Рима, завоевания крестоносцев и заканчивая Второй мировой войной.

© Монтгомери Б. Л.

© Центрполиграф

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Монтгомери Бернард Лоу

Краткая история военных сражений

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я написал эту книгу не для того, чтобы прославлять войну. Моей целью было высветить проявление человеческих усилий в военное время – как в бою, так и на внутреннем фронте. Ставить во главу угла человеческий фактор, всячески избегать ненужных страданий и людских потерь действительно необходимо, и это должно быть решающим аргументом для государственных руководителей при определении политических целей войны, а в дальнейшем отдачи указаний военачальникам по всем другим относящимся к делу вопросам. Руководством для них могли бы послужить два стиха из Нового Завета (1 Кор., 14):

«8. И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению?

9. Так если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите?»

Генерал должен не только стремиться выигрывать войны, но и стараться по возможности их предотвращать. Несколько лет назад Уинстон Черчилль сказал: «Мир – это последний трофей, который я хочу завоевать». Никто лучше солдата не знает огромной цены этого трофея, потому что никто лучше солдата не знаком с чудовищем по имени Война.

За свою жизнь я был свидетелем множества сражений во время крупных военных конфликтов, не завершившихся прочным и длительным миром, ради которого мы воевали. Но в этом мире политических реалий и так называемого мира, в котором мы живем, меня не гнетет отчаяние. Мой взгляд с надеждой устремлен вперед и вовне. В таком духе я и предлагаю эту книгу читателям, посвящая ее моим товарищам по оружию, вместе с которыми воевал на полях сражений в Африке и Европе, – многие из них отдали жизнь, для того чтобы мы, оставшиеся жить, могли обрести ту свободу на Западе, за которую мы все сражались.

Писавшему о Пелопоннесской войне Фукидиду приписывают слова: «Если кто-либо скажет, что написанное мною принесет пользу, я буду удовлетворен».

Именно это хотели бы сказать я и моя исследовательская группа.

Монтгомери Аламейнский,

фельдмаршал

Ислингтон-Милл, Олтон,

Гемпшир

Глава 1

ПРИРОДА ВОЙНЫ

Война – забота не только солдат. Военные действия всегда отражались на гражданской жизни, поэтому их история заслуживает всеобщего изучения. В данной работе я постарался сделать упор на стратегию и тактику, командование и вооружение. При освещении более общих исторических факторов затронуты также научные, технические, социальные, экономические и политические моменты истории, которые отражались на военных действиях. Надеюсь, что читателя увлечет это захватывающее повествование.

Человеческий прогресс во всех областях, будь то во благо или во зло, по существу находился под действием вооруженных конфликтов – ход войны, ее приговор вновь и вновь определяли ход истории. Невозможно изучать историю военного дела таким образом, будто война происходила в вакууме. Только один пример – по мнению некоторых историков, начало широкому развитию металлургии и металлообработки в известной мере положил спрос на артиллерийские орудия (правда, должен признать, что, по утверждению других, причиной стала потребность в церковных колоколах).

Почему происходят войны? Некоторые скажут, что война – это порождение цивилизации, другие – что война – следствие присущей человеку жестокости. Однако война всегда служила арбитром, когда другие средства достичь соглашения оказывались безрезультатными.

У кочевых народов, таких, как мадьяры, перемещения главным образом определялись поисками хороших пастбищных земель, а причинами войны были виды на легкую добычу. Греко-персидские войны велись ради спасения Греции, а посему и Европы от азиатского деспотизма. Римская империя была создана военным путем, войны же способствовали ее падению; то же справедливо и в отношении Германской империи, созданной Бисмарком. Было время, когда одной из значительных причин международных ссор становилась религия. Обладание колониями принесло колониальным державам Западной Европы богатство, полученное вооруженной силой, и именно торговое соперничество позднее толкнуло страны к конфликту.

На этом этапе было бы полезно сформулировать некоторые определения. Война – это любой продолжительный конфликт между соперничающими политическими группами, разрешаемый силой оружия. Сюда относятся восстания и гражданские войны, но не включаются бунты и акты индивидуального насилия. Стратегический план – это координирование и направление всех ресурсов страны или группы стран для достижения конечной политической цели, определяемой основной политикой. *Подлинной целью стратегического плана должен быть длительный прочный мир.* Стратегия – это искусство распределения и применения военных средств, таких, как вооруженные силы и ресурсы, для осуществления целей политики. Стратегическая подготовка кампании или сражения имеет огромное значение. Какова была цель? Чего пытался достичь командующий? Стратегически конечная цель может быть весьма желательной, но стратегически желательное должно быть тактически возможным благодаря наличию сил и средств. Тактика означает расстановку и управление военными силами и техникой в ходе сражения.

На протяжении истории отдельные факторы военного дела оставались неизменными. С самых ранних времен существовали проблемы передвижения и огневой мощи: каждая из сторон старалась иметь возможность беспрепятственно перемещать свои силы и препятствовать в этом противнику. В известной мере мобильность, огневая мощь и боевое обеспечение находятся в противоречии. Развитие бронированных боевых средств передвижения, господствующих на все более расширяющихся фронтах, и параллельное развитие радиосвязи, позволяю-

щее осуществлять управление на ранее немислимых расстояниях, – лишь последние формы одного из основных средств ведения войны.

С очень древних времен решающее влияние на ход военных действий имела военно-морская мощь. Во время войн с персами афиняне поняли, что противника им не разбить, пока персидский флот может переправлять через Эгейское море людей и боеприпасы и высаживать их в любом месте греческого побережья. Приложив величайшие усилия, Афины нарастили собственную военно-морскую мощь и в 480 г. до н. э. разбили персов в морской битве при Саламине. Год спустя Персидская кампания была завершена. Потом Греция господствовала в восточном Средиземноморье, вступив в период торгового процветания и создав великую цивилизацию. Подобным же образом Рим, столкнувшись в Северной Африке с купеческим государством Карфаген, чей флот контролировал западное Средиземноморье, обнаружил, что, прежде чем одолеть его, необходимо стать военно-морской державой.

И лишь потому, что Англия разбила французский и испанский флоты при Трафальгаре, вторжение в Англию стало невозможным, а в 1808 г. английская армия смогла высадиться в Португалии. Спустя несколько лет Англия разбила Наполеона, который обладал большей военной мощью, но был ограничен сухопутной стратегией. Морская мощь имела такое же важное значение и в более близкой истории. Поскольку союзники были хозяевами на море, удалось выиграть сражение при Эль-Аламейне. Если бы они не смогли сосредоточить свои силы и ресурсы скорее Роммеля, баталия была бы проиграна, а как следствие, потерял Египет, Суэцкий канал и весь Ближний Восток. Урок состоит в следующем: на протяжении всей истории страна, контролирующая моря, в конечном счете одерживала победу.

Глубокое воздействие на характер войны как на суше, так и на море оказали военно-воздушные силы, когда полностью раскрылся их потенциал. В 1941-м и 1942 гг. японцы в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане показали, что можно предпринять при наличии превосходства на море и в воздухе. 7 декабря 1941 г. в Перл-Харборе они продемонстрировали потрясающую ударную мощь базирующейся на авианосцах оперативной группы, подняв в воздух более 300 самолетов, потопивших большую часть линейных кораблей Тихоокеанского флота США. В 1942 г. между американскими и японскими военно-морскими силами было два сражения, которые отчетливо показали господствующую роль военно-воздушных сил в современных морских войнах. Первое произошло в Коралловом море 4 – 8 мая, когда флот США сорвал десантную операцию японцев против Порт-Морсби и устранил угрозу Австралии. Второе состоялось у острова Мидуэй 3 – 6 июня. Два этих морских сражения послужили поворотным моментом в войне с Японией. Действия в Коралловом море характерны тем, что они были первым морским сражением, в котором боевые корабли противников постоянно находились вне видимости друг друга – стороны ни разу не обменялись прямыми выстрелами.

В войне на суше появление самолета позволило командующим видеть «другую сторону горы». По мере роста и развития военно-воздушные силы получили возможность в значительной мере усложнить, если не предотвратить, передвижение войск в дневное время, так что, прежде чем начать бой, стало необходимо добиться господства в воздухе. Мощное вооружение военно-воздушных сил давало армиям выигрывать сражения быстрее, чем раньше, и с меньшими потерями. Воздушные бомбардировки также могли переносить войну в глубину территории противника, причиняя тяжелые потери гражданскому населению и огромный ущерб имуществу на внутреннем фронте и подрывая военные усилия атакуемой таким образом страны.

Военное искусство – тема, которая красной нитью пройдет через всю книгу. Величайшую важность для военного дела имеет полководческое искусство. Военачальник должен обладать способностью принимать правильные решения и волей выполнять эти решения.

Командующий должен знать, что он хочет, отчетливо представлять конечную цель и стараться ее достичь, довести до подчиненных основные положения своей стратегии. Он должен

на деле обеспечивать твердое, не вызывающее сомнений руководство. Необходимо, чтобы он создавал то, что я назвал бы «атмосферой», и чтобы в этой атмосфере жили и действовали его штаб и подчиненные командиры. Талант Нельсона, например, в значительной мере проявлялся в способности создать такую атмосферу. Командующий должен отличаться напористостью, стремлением доводить дело до конца, он должен обладать твердым характером и умением внушать уверенность своим подчиненным. И превыше всего он должен обладать такой силой духа, такой решимостью, которые позволят ему оставаться непоколебимым в момент, когда исход сражения висит на волоске. В сражении заранее известно лишь одно – что результат неопределен. Поэтому одно из ценнейших качеств командира – способность внушать веру в план операции, даже (и может быть, особенно) тогда, когда он сам не уверен в ее исходе. Для того чтобы достичь этого в глазах всех военнослужащих, находящихся в его подчинении, главнокомандующий должен внимательно следить за собственным моральным состоянием. Сражение по существу есть борьба двух характеров – собственного и командующего противной стороны. Если кому-либо начнет отказывать мужество, когда исход боя висит на волоске, противник, вероятно, победит.

Думаю, что генералов можно разделить на две группы. Чтобы показать различие, я воспользуюсь двумя очень выразительными французскими определениями. *Le bon general ordinaire* (просто хороший генерал) – это генерал, который хорош, пока его старший начальник подробно объясняет ему, что делать, стоит над ним и опекает его, следит, чтобы тот делал так, как ему приказывают. *Le grand chef* (Полководец с большой буквы) – это тот, кому достаточно общих установок относительно намечаемых операций, ему не требуется подробных указаний, он знает, как поступить, и ему можно доверить действовать самостоятельно. Такие встречаются крайне редко. По мере того как будем прослеживать действия командующих в разные исторические времена, получим возможность решить, к какой группе тот или иной принадлежит.

Но о генералах можно судить только по выполнению их профессиональных обязанностей, причем исключительно с военной точки зрения. Некоторые кампании и сражения предпринимались исключительно по политическим соображениям и стали пагубными для репутации многих воинов.

Командующий никогда не должен недооценивать разведку и секретную службу. Полибий писал, что генерал должен «посвятить себя изучению склонностей и характера своего противника», а около двух тысяч лет спустя начальник прусского генерального штаба Мольтке говорил своим офицерам: «Обычно вы находите, что у противника имеется три варианта действий, он же непременно применит четвертый». Хороший военачальник должен влиять на происходящие вокруг события; как только они возьмут над ним верх, он потеряет доверие подчиненных, а когда это случится, его перестанут ценить как руководителя. Поэтому ему нужно предвидеть реакцию противника на свои шаги и быстро принимать меры, предупреждающие вмешательство противника в его планы. По этим соображениям непременно должна существовать первоклассная разведывательная служба, и возглавлять ее должен офицер блестящих интеллектуальных способностей, не обязательно имеющий профессиональную военную подготовку. Он должен очень четко мыслить, уметь выделять главное из массы несущественных факторов, имеющих отношение ко всему, что касается неприятеля. Органы военной разведки должны быть тесно связаны с секретной службой.

Во всей деятельности секретной службы операции разведчиков, диверсантов и тайных агентов рассматриваются как находящиеся вне рамок закона. Тем не менее история свидетельствует, что ни одна страна не станет избегать такой деятельности, если она соответствует ее жизненным интересам.

Во время войны с Гитлером я всегда держал в своем обозе рисунок или фотографию своего противника. В пустыне и Нормандии им был Роммель. Я разглядывал его лицо, стараясь представить его реакцию на предпринимаемые мною действия. Каким-то странным обра-

зом это помогало. Должен признать, что не знаю ни одного другого главнокомандующего – за исключением Слима, – кто придерживался бы такой практики! Хотя командующему в любое время крайне необходимо пытаться понять замысел противника. Любое сражение может очень скоро отклониться от намеченного плана. Если это произойдет, инициатива вполне может перейти к неприятелю. Если за свою долгую военную карьеру я усвоил один урок, так это то, что, не удерживая инициативы, невозможно победить.

Хотя такие факторы, как командование и управление, играют большую роль в победоносном исходе сражения, важнее всего моральное состояние бойца. Лучше всего поднимает боевой дух выигранное сражение.

Материал, с которым приходится иметь дело генералу, – солдаты. *Сражения прежде всего выигрываются в сердцах людей.* Армия – это не просто совокупность отдельных лиц и какого-либо количества танков и орудий. Реальная мощь армии превосходит, и намного превосходит, сумму всех ее составляющих. Эту дополнительную мощь обеспечивают моральное состояние, боевой дух, взаимное доверие руководителей и подчиненных (и особенно полевых командиров и высшего командования) и многие другие неосознаваемые духовные качества. В людях кроются огромные эмоциональные силы, которым надо умело дать выход, чтобы зажигались сердца и включалось воображение. Относясь к людям холодно, без души, командир мало чего добьется. Но если он сможет завоевать доверие людей и те почувствуют, что их насущные интересы в его надежных руках, то получит бесценное достояние и сможет достичь блестящих успехов.

Генералам положено выигрывать сражения, но хороший генерал будет добиваться этого с минимально возможными человеческими потерями. На протяжении Средних веков в западном мире человеческая жизнь ценилась низко – крепостным в бою не дорожили. В XIV в. по Европе прокатились страшнейшие эпидемии, известные как «черная смерть», людские ресурсы оскудели, экономическая ценность крепостного возросла, и его жизнь понадобилось оберегать. В наше время, когда страна вступает в войну, ряды ее вооруженных сил пополняются гражданскими лицами, не являющимися профессиональными солдатами, моряками или летчиками – да и никогда не желавшими ими быть. Такие люди в значительной степени отличаются от крепостных или наемников прошлого, они образованны, способны действовать обдуманно, давать оценки и готовы критиковать. Они хотят знать, что происходит и чего ждет от них генерал, почему и когда. Им также нужно знать, что при всем при том их насущные интересы будут абсолютно надежно защищены генеральской рукой. И конечно, они хотят его видеть и решать для себя, что он за человек.

Решающее значение имеют дисциплина и товарищеские отношения. Почему солдат покидает укрытие окопа или щели и идет вперед навстречу пулям и снарядам? Потому что впереди командир, а кругом товарищи. Товарищество разогревает человека, вливает в него отвагу, тогда как все его инстинкты толкают к безучастности и страху. Человеческий аспект, к сожалению, часто игнорировали историки. Я буду часто обращаться к нему на протяжении всей книги, не пытаюсь искать оправдания, потому что в этом заключается суть всего дела. Усталость, страх, ужасные условия, лишения, постоянная вероятность получить ранение и возможность погибнуть – все это вынесет боец, если сердце полно отваги, если он знает, за что сражается, уверен в своих офицерах и товарищах и знает, что от него никогда не потребуют невыполнимого.

Современная война является *тотальной*, за столетия она очень усложнилась и теперь затрагивает моральное состояние всего населения. Во времена рекрутов и наемников в сражениях и военных кампаниях страны принимало участие сравнительно мало людей. Но сегодня все людские ресурсы, включая и женщин, вся промышленная мощь мобилизуется для ведения войны. К тому же призван ли человек на военную службу или занят в промышленности, он подвергается опасности, где бы ни находился. Мастерство командующего – это и наука, и искусство управления войсками. Наука, потому что офицеры должны изучать его теоретиче-

ски; искусство, потому что эти теорию затем следует применять на практике. И что важнее всего, оно предполагает глубочайшее понимание человеческой души. Мао Цзэдун, незаурядный полководец («Избранные военные произведения»), писал:

«Все законы войны и военные теории, которые служат своего рода нормами, представляют собой опыт прошлых войн, обобщенный людьми в прежние дни или в наше время. Нам следует серьезно изучать эти оплаченные кровью уроки, которые являются наследием прошлых войн. Это первый момент. Но есть и другой. Следует испытать эти условия на собственном опыте, усваивая полезное, отвергая бесполезное и добавляя свое собственное».

Нужны и учеба, и практика. Первая всегда возможна, и пренебрежению ею нет оправданий, возможность второй появляется не часто.

Мой собственный круг чтения и изучения военной истории был обширным, но ограничивался главным образом работами английских историков, написанных в мое время. Я предпринимал попытки читать труды Клаузевица и Жомини, но не мог в них разобраться и решил, что узнаю больше, если обращусь к более современным историкам, особенно если изучу жизнеописания великих военачальников прошлого, дабы познать их мысли и действия, уяснить, как они использовали имеющиеся в их распоряжении военные средства. Знание подробностей боевых порядков той или иной армии в разные времена было для меня несущественным, мне хотелось знать о существенно важных проблемах, которые вставали перед генералом в определенный момент сражения, какие факторы влияли на его решение, каким было решение – и почему. Мне хотелось докопаться, что было в голове великого полководца, когда он принимал важное решение. Именно так надо было постигать военное искусство.

Из военных историков моей страны, моего языка и моего времени несомненно самым лучшим я нахожу сэра Бэзила Лидделла Гарта, меня всегда привлекали его военные концепции, и они оказали влияние на мою командную деятельность в ходе войны. Некоторые историки умны задним числом, Лидделл Гарт мудр в суждениях о предстоящих событиях – наконец-то пророку воздается должное в своем отечестве. Он превосходит других не только как историк, но и как теоретик. Опираясь на обширные знания, он сформулировал основные принципы войны и, в отличие от многих теоретиков, в основном оказался прав в своих взглядах.

Великие полководцы всегда серьезно относились к изучению военной истории. Т.Э. Лоуренс справедливо замечал, что у нас позади двухтысячелетний опыт, и если все еще приходится воевать, то нет никаких оправданий тому, чтобы не воевать хорошо. Мое многолетнее чтение убедило меня, что нельзя стать непревзойденным мастером ведения войны, не постигнув ее науки. Ведение войны – это учеба у жизни, и, если ею пренебрегать, никакой генерал не может рассчитывать на успех. Разумеется, также важны и природные качества: способность быстро принимать решения, здравый смысл, смелость в нужный момент, твердость.

Генералу приходится создавать военный механизм и выбирать боевые средства по собственному усмотрению. Это предполагает глубокое знание законов ведения войны и организации военной подготовки. Он также должен создать в рамках штаба структуру, которая позволит правильно распоряжаться боевыми средствами. На суровом опыте я очень скоро убедился, что служба тыла должна быть соразмерной тому, чего я хотел добиться на передовой. Военный механизм, чтобы мог быстро достичь максимальной мощи, должен быть своевременно приведен в движение. Войска должны вступить в бой таким путем, который обещает наилучшие виды на успех, – и солдаты должны это знать. «Режиссура» сражения должна быть первоклассной. Главная обязанность генерала заключается в том, чтобы организовать боевую подготовку не только к предстоящей кампании, но и к любым конкретным сражениям в ходе этой кампании. Боец должен быть уверен в своем оружии, в том, что сможет успешно пользоваться им в любой обстановке, в любой местности и в любом климате. Такая уверенность может быть

получена лишь благодаря напряженной боевой подготовке, которая, если результативна, поднимает боевой дух.

Сущность тактики ведения боя сводится к следующим факторам: внезапность, сосредоточение сил, взаимодействие всех видов оружия, управление боем, простота, быстрота действий, инициатива.

Командующий должен обладать чрезвычайно ясным мышлением, быть способным выделять существенное из массы мелких факторов, возникающих при решении любой проблемы. Определив существо стоящей перед ним проблемы, он ни на минуту не должен терять ее из виду – не позволять главному, ведущему к успеху, утонуть в массе мелких деталей. Умение упрощать не искажая, отбирать из массы подробностей важное, и только важное – не всегда легкое дело. Генерал должен видеть важные детали, не теряя из виду общей картины. Не обладая в любое время абсолютно ясным и дисциплинированным умом, он скорее потерпит неудачу, этим подразумевается необходимость умеренности, особенно в употреблении спиртного.

План операции должен вырабатывать командующий. Нельзя, чтобы он был навязан штабом или обстоятельствами, и ни в коем случае – противником. В большинстве случаев противник бывает на высоте, если ему позволяют навязать ход боя, и он не так силен, если путем маневра вывести его из равновесия или вынудить отвечать на ваши маневры и удары. Существенно важным является фактор внезапности. В стратегии достичь внезапности зачастую бывает трудно, а то и просто невозможно, но вот тактическая внезапность всегда существует и должна занимать важнейшее место в планировании. Противника нужно постоянно заставлять плясать под вашу дудку. Это означает, что командующий должен предвидеть ход сражения, еще до начала сражения решить для себя, как должны развиваться действия, затем направить все усилия к тому, чтобы повернуть сражение в желаемом направлении. Моя собственная военная доктрина основывалась на выведении противника из равновесия при сохранении прочного равновесия у себя. Я всегда планировал заставить противника ввести резервы на широком фронте, дабы заткнуть дыры в обороне. Вынудив его пойти на это, я всегда вводил свои резервы для нанесения мощного удара на узком фронте. Введя в бой резервы, всегда стремился тут же создать свежие резервы. В ходе сражения противник попытается контрударами вывести тебя из равновесия. Этого ни в коем случае нельзя допустить. На протяжении всего поля битвы силы должны быть так уравновешены и готовы для броска, а их дислокация настолько надежной, что удары противника ни за что не навяжут вам его волю. Одним из критериев военного искусства является умение сгруппировать силы перед сражением и перегруппировать по мере развития тактической обстановки. Чтобы быть в состоянии предупредить реакцию противника на свои шаги и не дать ему помешать осуществлению своих планов, генерал должен постигать образ мыслей своего оппонента. Нельзя терять завоеванную инициативу, только в этом случае можно заставить противника плясать под твою дудку. В ходе кампании командующий должен продумывать на два сражения вперед – одно, которое он планирует в данный момент, и еще следующее. В таком случае он может использовать успех первого как трамплин для второго.

Хотя оперативные задачи будут оставаться главными заботами генерала, он никогда не должен забывать, что сырьем для его ремесла являются люди и что военное искусство основано на человеческом факторе. В моменты боя солдат может почувствовать себя страшно одиноким. На ранних этапах войны 1914 – 1918 гг. я, будучи молодым командиром взвода, во время ночного патрулирования в нейтральной полосе несколько раз оказывался отрезанным от своих солдат. Одному под боком у противника мне было страшно – это мое первое впечатление от войны. В те дни я осознал, как важно для солдата чувствовать, что за ним командиры нескольких ступеней, которые думают о нем, заботятся. Генерал, который печется о своих солдатах и бережет их жизни, выигрывает сражения с минимальными людскими потерями, будет пользоваться их доверием. За удачливым генералом пойдут все солдаты. Поэтому генералу надо уметь «донести себя» до своего войска. В войну 1939 – 1945 гг. лично я старался по возможно-

сти чаще беседовать с бойцами. Иногда я выступал перед большим количеством людей с капота джипа, а порой беседовал с несколькими солдатами на обочине дороги или в орудийном окопе. Обращался к ним и с письменными посланиями, на важных этапах кампании или перед сражением. Такие беседы и послания укрепляли волю к победе, способствовали сплочению армии в уверенное в победе единое боевое целое. В войне 1914 – 1918 гг. сэр Дуглас Хейг, кажется, ни разу не обратился к солдатам. Он производил смотр войск в полном молчании. Рассказывают, что один офицер его штаба высказал мнение, что, если бы командующий изредка останавливался поговорить с солдатами, это оставило бы хорошее впечатление. Он последовал совету и спросил одного солдата: «Где вы начали войну?» Изумленный солдат ответил: «Я эту войну не начинал, сэр, по-моему, это кайзер». Полагаю, что после такой встречи Хейг оставил эту затею. И тем не менее, в руководстве людьми выше всего ставится живое слово.

Генерал не должен скупиться на похвалы, если подчиненные того заслуживают. Хорошо поработавшие люди любят, когда их похвалят. Сэр Уинстон Черчилль однажды рассказал мне об ответе герцога Веллингтонского. Когда в последние годы жизни один из его друзей спросил: «Если бы тебе пришлось прожить жизнь заново, есть ли что-нибудь, в чем ты поступил бы лучше?», престарелый герцог ответил: «Да, я был бы щедрее на похвалы».

Из своего опыта я усвоил, что командующему требуются стойкость, способность выдерживать удары войны – которые обязательно будут, так же как за ночью обязательно последует рассвет. Пожалуй, для этого качества есть слово получше – *прочность*. Я упоминал об ощущении одиночества в бытность молодым командиром взвода. И высокий командный пост отмечен одиночеством. На главнокомандующем лежат огромные обязанности, которые он не может переложить на свой штаб или на подчиненных. Решать все равно ему, ему отвечать и за успех или провал операции, и за жизни своих солдат. Эта сторона дела особенно сказывается при неблагоприятных обстоятельствах, но она присутствует постоянно и является серьезным испытанием для командующего. Когда обстоятельства складываются не совсем так, как планировалось, все взоры обращены к главнокомандующему, в поисках уверенности, стойкости, ожидания выхода. В таких неблагоприятных условиях, когда дела могут складываться не слишком хорошо, командующий, кроме руководства своими армиями, должен научиться руководить *собой* – что не всегда просто. В Гражданскую войну в Америке Ли, хотя и проиграл, сохранил преданность своей армии.

До тех пор пока политические лидеры не найдут какого-нибудь разумного способа улаживать международные конфликты, война останется с нами. Когда страна решает прибегнуть к вооруженной силе для достижения политических целей, ответственность за развязывание войны в конечном счете находится в руках политиков. Военачальникам будет трудно, если не невозможно, способствовать успеху правительства, которое проявляет нерешительность, лишено мужества и проницательности. Чрезвычайно важно четко определить политические цели и стратегию. Тогда дело переходит в руки генералов – им требуется максимальная поддержка. Талейрану приписывают слова: «Война – слишком серьезная вещь, чтобы оставлять ее в руках военных». Их приводил Бриан Ллойд Джорджу во время войны 1914 – 1918 гг., и, разумеется, они весьма справедливы. В равной степени можно было бы сказать, что война – слишком серьезная вещь, чтобы оставлять ее в руках политиков. Истина же в том, что в современной войне жизненно важное значение имеет самое тесное сотрудничество тех и других.

В большой войне противники могут располагать примерно равными материальными ресурсами; в этом случае победа будет на той стороне, где лучше боевая подготовка, талантливее руководство и выше боевой дух. Каким бы опытным ни был генерал, когда, как бывает в каждом сражении с решительным противником, наступает момент, когда победа висит на волоске, власть в конечном счете переходит из его рук непосредственно к солдатам. Победа будет зависеть от их храбрости, боевой подготовки, дисциплины, нежелания признать поражение, от их стойкости и упорства. Во время долгого похода от Эль-Аламейна до Берлина в войну

1939 – 1945 гг. я повесил в своем фургоне следующую цитату из шекспировского «Генриха V»: «О бог сражений! Закали сердца моих солдат». Я надеюсь, что, по мере того как будет разворачиваться наше исследование, читатель признает справедливость сказанного мною. Многие из сражений, которые мы рассмотрим, в конечном счете выиграли солдаты и матросы. Планируя сражение, генерал сталкивается с боевой обстановкой, окутанной плотным туманом, но, если план разумный, солдаты рассеют этот туман.

Изучение истории военных сражений не только проиллюстрирует развитие военного искусства, но и покажет единообразие его основных концепций. Те же самые принципы ведения войны, которых придерживались в прошлом, снова и снова возникают на протяжении истории, только в иных обстоятельствах. Хотя вооружения стали более мощными, а возникающие на полях сражений проблемы более сложными и запутанными, военное искусство в своей основе сегодня остается таким же, как в древние времена.

Я закончу эти размышления соображением, которое станет понятным по мере чтения исторических глав. Фельдмаршал Уэйвелл как-то рассказал мне, что спартанцы, будучи на вершине военной славы, послали депутацию к дельфийскому оракулу и довольно заносчиво потребовали ответа на вопрос: «Может ли что-либо причинить вред Спарте?» Тут же последовал ответ: «Да, роскошь».

Я бывал на месте этого до некоторой степени наводящего на тревожные мысли интервью. Каким верным был ответ! Вся наша работа свидетельствует, что история страны – это продолжающееся из века в век сражение: каждый шаг вперед должен быть завоеван, каждую отвоеванную позицию нужно удержать. На войне противник ясен. В мирное время страна сталкивается с менее заметным, но не менее коварным врагом: внутренней слабостью, которая сама по себе приводила к падению великих держав. Если нужен пример из современной истории, так это Франция. В годы накануне войны 1939 – 1945 гг. такая слабость поразила ее душу, крушение наступило в 1940 г. Душу ей вернул в 1958 г. генерал де Голль, и она вновь восстала из пепла, как птица Феникс.

Я, естественно, лучше знаю свой народ, британцев. Мы много лет не переживали полного поражения, свобода у нас в крови, и она придает нам стойкость и необычайную силу. С такими людьми, как шотландец из Глазго, парень из Ланкашира, лондонский кокни, можно совершить все. Однако опасность внутреннего расслабления присутствует всегда, и ее должно держать в узде. Оракул был прав: если чрезмерная роскошь одолеет мужское население страны, если утрачен боевой дух, страну, возможно, ждет конец. Очень давно Фрэнсис Бэкон написал: «Обнесенные стенами города, арсеналы и склады оружия, породистые кони, военные колесницы, слоны, артиллерия и прочее – все это – лишь овца в львиной шкуре, если люди не полны отваги и воинственного пыла». Изучение истории военных сражений подтверждает абсолютную правоту данного заявления.

Глава 2

ВОЙНА В ДРЕВНЕЙШИЕ ВРЕМЕНА

Война была постоянной чертой человеческих отношений со времен самых ранних сообществ, о которых сохранились свидетельства. В 7000 г. до н. э. Иерихон был надежно обнесен стеной высотой 21 фут, из 2500 жителей 600, видимо, были бойцами, вооруженными луками и стрелами. Однако военное искусство несомненно зародилось задолго до этого времени. В таком случае как впервые возникли войны?

Война – самая существенная часть истории, потому что имеет отношение к основным жизненным потребностям людей. Пища и надежный кров были двумя необходимыми условиями жизни первобытного человека – как и для нас. Но этих вещей, которые нужны человеку, как и многого другого – женщин, богатства и власти, – обычно на всех не хватает. Основная причина того, почему отдельные персоналии и общественные образования почти непрерывно воевали между собой, сводится к этой экономической реальности – им постоянно приходилось соревноваться за получение этих минимальных условий существования. По той же причине дерутся между собой звери. Ярость, агрессивность и страх естественны уже в силу того, что в основанной на конкуренции социальной среде любое создание представляет препятствие или опасность для своего соседа. Разумеется, человеку в меньшей мере, чем зверю, удалось избежать применения силы.

Те следы первобытных людей, которые мы можем обнаружить, свидетельствуют, что с самого начала им приходилось организовываться для защиты. Из-за того что жилища людей должны были служить и убежищами, они так часто обитали в пещерах, на вершинах холмов, окружали дома рвами или строили их на сваях посреди озер и болот. Среди орудий времен палеолита, которые можно было использовать в качестве оружия, встречаются каменные топоры и ножи, костяные, кремневые и роговые лезвия, наконечники копий. Поскольку, по существу, невозможно раскрыть причины и характер военных столкновений этих древнейших обитателей Земли, для нас было бы полезно взглянуть на примитивные народы других континентов, некоторые из которых в наше столетие переживают свой каменный век.

О воинственности примитивных народов можно сделать несколько обобщающих замечаний. Поводы для войн различны, жестокость зависит от обстоятельств. Некоторые племена убивают всех пленных, другие обращаются с ними мягко. Пигмеи чрезвычайно миролюбивы, но именно по этой причине и в силу своей физической слабости они были вытеснены более агрессивными народностями в самую необитаемую область Африки. Во многих краях живут племена, которые до самого последнего времени считали войну обычным или приемлемым делом, – например, масаи в Восточной Африке или гуарани в Бразилии. Племена, возглавляемые вождями, обычно более предрасположены к войнам, чем те, у которых демократическая форма правления. Лет сто назад племенные войны были значительно менее частыми и жестокими в Габоне и в низовьях Нигера, где, прежде чем идти на войну, требовалось созвать совет старейшин, нежели в Восточной Африке, где вожди обладали абсолютной властью.

Самой распространенной достоверной причиной войны среди примитивных народностей является перенаселенность. Население требуется сократить, а к этому обычно приводят войны или болезни. О том, как восприятие территориальной принадлежности может привести к войне, свидетельствует история индейских племен Северной Америки. Когда начиная приблизительно с 1600 г. н. э. на Восточном побережье утвердилось достаточное количество лучше вооруженных европейцев, индейцев они оттеснили на запад. По мере того как каждое из племен было вынуждено вторгаться на территорию своего западного соседа, более ста лет между ними шла непрерывная война. Одно за одним между чиппева и сиу следовали крупные сраже-

ния у Милле-Лакс в XVII в., на Элк-Ривер в XVIII в., у Кросс-Лейк в 1800 г. В XIX в. положение усугубилось исчезновением бизонов, главного источника питания индейцев, и вынужденной борьбой за лошадей и огнестрельное оружие. Цепь вынужденных миграций продолжалась, потерпевшие поражение сиу, в свою очередь, потеснили дальше на запад шайенов, а те в итоге отогнали команчей к Мексике.

Война может привлекать, потому что она возбуждает, может служить развлечением, к тому же она обещает легкую добычу, несет яркие впечатления и романтику, дисциплину и традиции, самопожертвование и товарищество, обещает престиж в обществе и восхищение женщин. У таитян достаточной причиной идти на войну был обычай, согласно которому юноша не мог жениться, если не имел татуировки, означавшей, что он убил в бою человека.

Но более прагматичные объяснения частого возникновения войн лежат в глубоко укоренившейся тяге людей принадлежать к коллективам. Если в обществе дано развиваться родственным связям, чувству тождества и патриотизму, то, возможно, в отношении соседей могут возникать определенно антагонистические настроения. Среди мбая в Южной Америке бытовало по существу религиозное убеждение, что они призваны жить за счет налетов на все другие племена. Когда европейцы не дали полинезийцам воевать, те пережили глубокий общественный и культурный кризис. Их ценности были обусловлены постоянным ведением войн. Когда это прекратилось, они утратили национальную гордость.

Фактором, лежавшим в основе всех военных и политических событий в истории Ближнего Востока за четыре тысячи лет до рождения Христа, было перенаселение. Первые цивилизации возникли в долинах великих рек – Вавилония и Шумер в низовьях Евфрата и Тигра и Египет по обеим сторонам Нила. Войны неизбежно были непрерывными из-за соперничества за обладание клочками плодородной земли в этих густонаселенных и сильно засушливых областях. Египту постоянно приходилось отбивать от своих границ агрессивных и менее цивилизованных соседей – нубийцев на юге, семитских кочевников на Синае. Подобным образом вавилонским царям постоянно приходилось обеспечивать порядок на своих границах. Временами налеты диких племен перерастали в весьма значительные нападения больших масс кочевых народов, привлеченных речными долинами. В древнейшие времена произошло три крупных вторжения семитов Аравии. В четвертом тысячелетии от Евфрата до Тигра была возведена стена, дабы удержать кочевников первой волны миграции – но тщетно!

Вторая половина четвертого тысячелетия и третье тысячелетие, период столкновения семитов с шумерами Аккадской империи и Египтом эпохи Древнего царства (3500 – 2400 гг. до н. э.), стали эпохой высокой военной активности. Двумя великими полководцами того периода были Саргон, жрец богини войны Иштар, первый правитель всей Месопотамии, и Нарамсин, расширивший Аккадскую империю до Средиземноморья. Месопотамцы намного опережали египтян в области военного оснащения, у последних колесницы появились на двенадцать веков позже.

Главным средством ведения войны в Месопотамии после 3500 г. до н. э. была колесница с вертикально установленным впереди высоким щитом. Обычно она использовалась при прямых фронтальных атаках. Экипаж состоял из возничего и воина, вооруженного метательным и ручным копьями. Основным назначением колесницы было врезаться в ряды противника и посеять панику. Бой начинался с метания копий, с промежуточного расстояния, а после сближения в ход шли ручные копыя. Позднее, между 2000-м и 1500 гг. до н. э., с появлением колеса со спицами и облегченного кузова возросла маневренность. Ослов сменили кони, впервые попавшие в Месопотамию из северных степей приблизительно в 2000 г. до н. э. С появлением составных луков возросла огневая мощь. Широко использовалась булава, но с внедрением прочных шлемов ее тупой удар стал менее эффективным и предпочтительнее стал боевой топор. В третьем тысячелетии изготавливались боевые топоры с бронзовыми насадками, применявшиеся

как в качестве колющего, так и режущего оружия; ими были вооружены как пешие воины, так и всадники. Меч впервые появился в Месопотамии, где овладели техникой изготовления и придания формы лезвия длинным полоскам твердого металла. Первые мечи походили на кинжалы: короткие, прямые и обоюдоострые. Позднее появились кривые серповидные для удара сплеча. Однако знания распространялись медленно и в других местах железные мечи стали обычным оружием лишь начиная с XIV в. до н. э. До того общепринятым оружием месопотамской фаланги было копье с длинным металлическим наконечником, которое в походе несли на плече, а в атаке держали горизонтально.

Изображение лука встречается на многих памятниках конца четвертого тысячелетия. В Египте он имел двояковыпуклые очертания, а в Месопотамии был сделан в форме простой дуги. Удивительно, что наездники стали пользоваться им лишь после 2000 г. Наконечники стрел делали из кремния. Составной лук впервые изображен на монументе в честь побед Нарамсина (2800 г. до н. э.). Именно тогда лук стал важнейшим оружием. До этого времени луки делали из одного материала, и среди них не было такого, который обладал бы достаточной крепостью и упругостью, чтобы придать стреле большую дальность полета. Новый составной лук изготавливался из дерева, рогов животных, сухожилий – состыкованных или связанных таким образом, что края корпуса до прикрепления тетивы чуть выгибались в обратную сторону. Тетива была натянута очень туго. Теперь стало возможным легкой стрелой поражать противника на расстоянии 300 – 400 ярдов. Последствия появления составного лука были поистине революционными: противник впервые мог быть застигнут врасплох и атакован из-за пределов слышимости, видимости и лишен возможности нанести ответный удар. Лук стал главным оружием. Как реакция на его применение размеры щитов стали больше, появились доспехи. Первая кольчуга, которую носили шумеры, представляла собой накидку с прикрепленными к ней небольшими металлическими кружками.

На открытой местности пехота и колесницы действовали как единое целое. Фаланги, вероятно, вступали в бой сразу же вслед за атакой колесниц. Ворвавшись в боевые порядки противника, колесницы вносили в его ряды замешательство, рассеивали и топтали врага. Следом, с флангов или в центре, в бой вступали фаланги пехоты и добивали неприятелей боевыми топорами и копьями. Построение месопотамской фаланги было строгим и систематичным. Подразделение двигалось колонной из шести шеренг, по одиннадцати бойцов в каждой шеренге – затем вступало в бой с правого или левого фланга строем глубиной шесть рядов. Аккадцы добавляли в этот боевой порядок лучников, но, возможно, отряды лучников дальнего действия были полностью объединены с колесницами и вооруженной копьями и мечами пехотой в Египте – тысячу лет спустя, когда там воевали с хеттами.

Развитые средства ведения осадной войны появились лишь у ассирийцев. Однако в третьем тысячелетии города укреплялись. Их успешно защищали лучники, стрелявшие с квадратных или полукруглых бастионов. На монументе с изображением осады Дешаше хорошо видно, как штурмовали укрепленный город в то время. Нападающие карабкаются по штурмовой лестнице, которая передвигается на колесах. Их прикрывают лучники. Тем временем стену, вернее ворота, самое слабое место, руют стенобитным оружием.

Вторая большая волна семитской миграции началась приблизительно в 2500-х гг. до н. э. и прежде всего распространилась из Аравии на Ханаан на средиземноморском побережье. Именно тогда эти племена с дурно звучащими именами аммонитяне и моавитяне впервые вошли в историю Израиля. Ханаанцы хлынули в Месопотамию, именно они превратили Вавилон в значительный город, они же восстановили Ур и объединили всю южную Месопотамию в Халдейское царство. В Египте около 2375 г. до н. э. после завоевания правителями Фив южной части дельты Нила появилось Среднее царство. Но потом Египет вступил в длительный этап мирного развития и высокой цивилизации и военной мощи внимания не уделялось. Таковы были условия, когда около 1800 г. Египет захватили и поработили гиксосы, ветвь второй волны

семитской миграции. Приблизительно в 1630 г. до н. э. египтяне начали борьбу за освобождение, и в конечном счете около 1580 г. фараон Яхмос изгнал гиксосов.

Какой была египетская армия в этой освободительной войне в конце Среднего царства? Воины по-прежнему применяли боевые топоры и копья, но главным оружием стал лук. По существу, гиксосы познакомили египтян с мощным составным луком двояковыпуклой формы, а также с колесницами. Щиты постепенно уменьшались в размерах и становились легче, что способствовало большей маневренности. Крепость Бухен, окруженная сухим рвом, имела все необходимое для надежной обороны. Парпетные стены с бойницами способствовали ведению оборонительного огня, а галереи позволяли обстреливать сверху штурмующие войска.

Среди племен было довольно обычным делом разрешать мелкие конфликты путем поединков, считавшихся честным и обязывающим способом. Однако крупные кампании таким путем не заканчивались, и египтяне создали сложную военную организацию. У фараона был свой контингент профессиональной охраны, а все местные правители должны были поставлять свои отряды, позже появилась необходимость в создании профессиональной армии.

Были созданы эффективные системы связи, разведки и управления. Существовал свод сигнальных огней, на поле боя гонцы по эстафете передавали сообщения и приказы, иногда применялась сигнализация семафорами или трубными звуками. При действиях крупных соединений в незнакомой местности была необходима хорошая разведывательная служба. Египтяне посылали разведывательные группы с целью шпионажа и захвата пленных для допросов. Находившиеся на передовых позициях офицеры часто передавали в штаб сообщения о ходе боя. Было правилом сообщать источник информации, а форма докладов, по всей вероятности, очень походила на ту, которая существует в современной армии. В армии имелись медицинская служба, саперные подразделения, занимавшиеся строительством осадных сооружений, существовала также транспортная служба из судов и повозок.

С изгнанием гиксосов и основанием Нового царства у египтян появился аппетит к дальнейшим завоеваниям. Аменхотеп I, Тутмос I и Тутмос III распространили Египетскую империю на Ближний Восток. Затем, приблизительно в 1350 г. до н. э., началась третья миграция семитов из Аравии, и военная мощь Египетской империи была подорвана нападениями арамейцев и хеттов. Однако в 1292 г. фараоном стал молодой, способный и энергичный Рамсес II. Он был решительно настроен восстановить Египетскую империю в прежних пределах. Предшествующий мирный период дал хеттам время сильно укрепиться в Сирии, превратив Кадеш в бастион своей южной границы. Рамсес решил нанести удар именно в этой точке. Но прежде чем разбирать битву при Кадете, рассмотрим вооружение и организацию египетских войск в Новом царстве.

В этот период, после 1500 г. до н. э., боевой топор занимал не такое видное место, как меч, который, как и другие значительные вооружения, попал в Египет из Азии. Меч заменил булаву и в качестве символа власти фараона. Меч Рамсеса III был длинным и широким. Коротким, типа кинжала, мечом старых времен тоже продолжали пользоваться. И тот и другой были самым эффективным оружием фаланг в рукопашных схватках. Копье тоже было табельным оружием пехоты. В конце концов и в Египте появился известный много веков в Месопотамии более прочный наконечник в форме вдавленного листа. Фаланга состояла из подразделений, вооруженных боевыми топорами, копьями и мечами.

Египетские наездники на колесницах были вооружены метательными копьями. Различие в вооружении объясняется различной тактикой применения колесниц. Азиатские колесницы, экипаж которых состоял из возничего и двух копьеносцев, врезались в ряды неприятеля. Если бой становился слишком скученным и колесница не могла маневрировать, возничий присоединялся к копьеносцам. Египетские колесницы чаще действовали в составе подразделений, они атаковали плотной массой, гоня противника перед собой, и никогда во время боя не давали себя окружить. Составлявшие значительную часть египетской армии колесницы объединялись

в подразделения из пятидесяти единиц, каждое под началом отдельного командира. Конницы еще не было. Но поскольку мощность оружия возрастала, а доспехи становились все надежнее, исход битвы все больше зависел от максимальной мобильности войск, поэтому колесница становилась важнейшим боевым средством. Это было легкое сооружение, влекомое парой коней, прочное, но быстроходное и маневренное. Позднее египтяне создали специальную тяжелую колесницу. Техническое обслуживание колесниц на ведущих к местам военных действий путях обеспечивали мастерские, где имелись запасные части и производили ремонт транспортных средств.

Во всех крупных армиях того времени главным оружием был лук. Египтяне в значительной степени благодаря тому что у них были средства и специализированные мастерские по производству добротных луков смогли так легко справиться с государствами Палестины и Сирии. Луками были вооружены и колесничие, и пешие воины. Стрелы из тростника имели бронзовые наконечники и с более или менее близкого расстояния могли пробивать доспехи того времени. Пеший лучник носил в колчане, висевшем на перекинутом через плечо ремне, до тридцати стрел.

В период Среднего царства египетские воины доспехов не носили, зато прикрывали себя большими щитами. В Новом царстве колесничие и лучники, обе руки которых должны были быть свободны, носили кольчуги и шлемы и пользовались только небольшими щитами, а то и совсем их не использовали. По мере того как оружие обретало все большую поражающую способность, более прочными становились и доспехи. Они изготавливались из металлических пластин, но были гибкими и сравнительно легкими. Мешала их большому распространению дороговизна, и кольчуги носили только те воины, у кого обе руки должны были быть свободны, остальные – копьеносцы и меченосцы – пользовались щитами. Все воины носили шлемы, зачастую щедро украшенные.

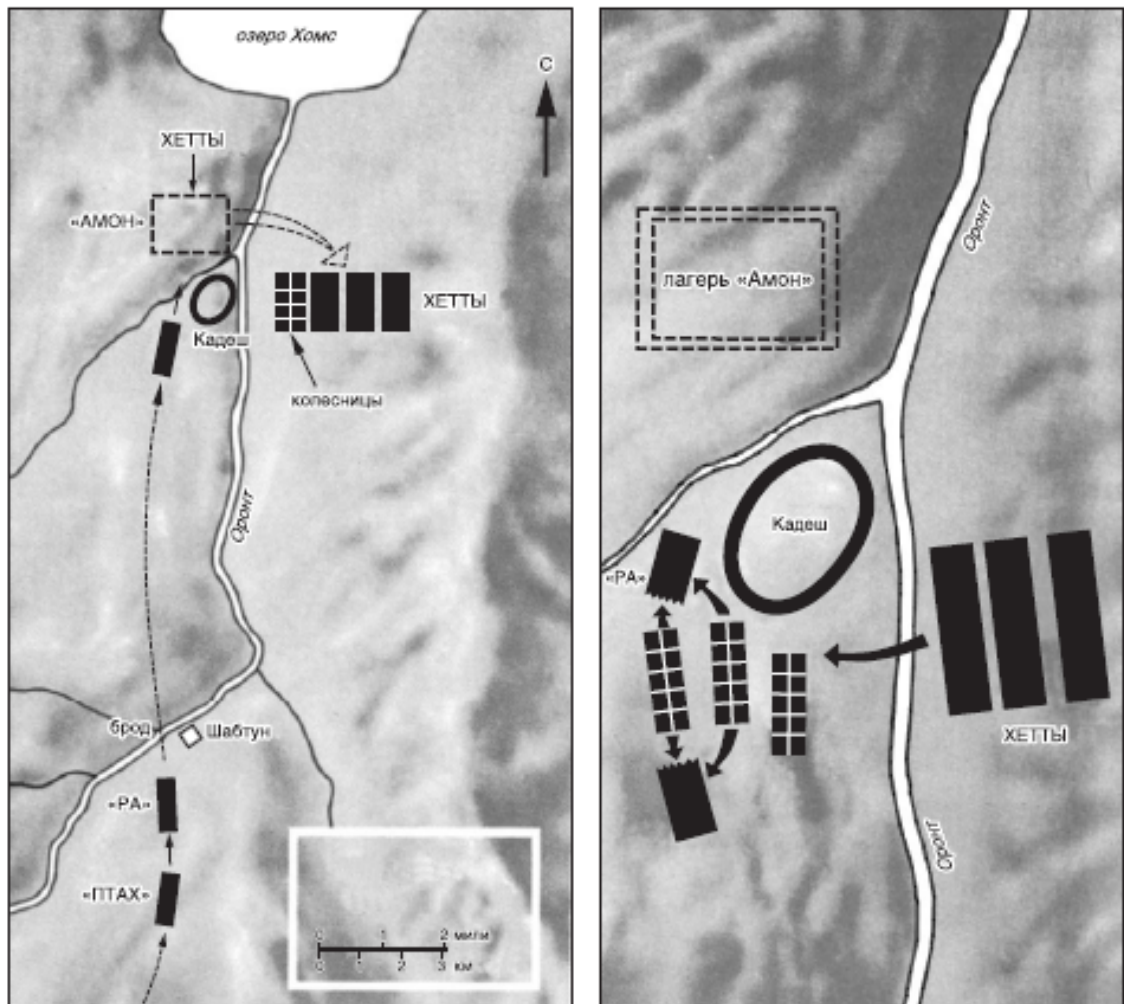
Египтяне умело устраивали засады, но, обладая превосходящими силами, предпочитали воевать в открытую крупными силами. Теперь рассмотрим битву у Кадета между Рамсесом II и хеттами в 1288 г. до н. э., первое сражение в истории, которое можно воссоздать скольконибудь подробно.

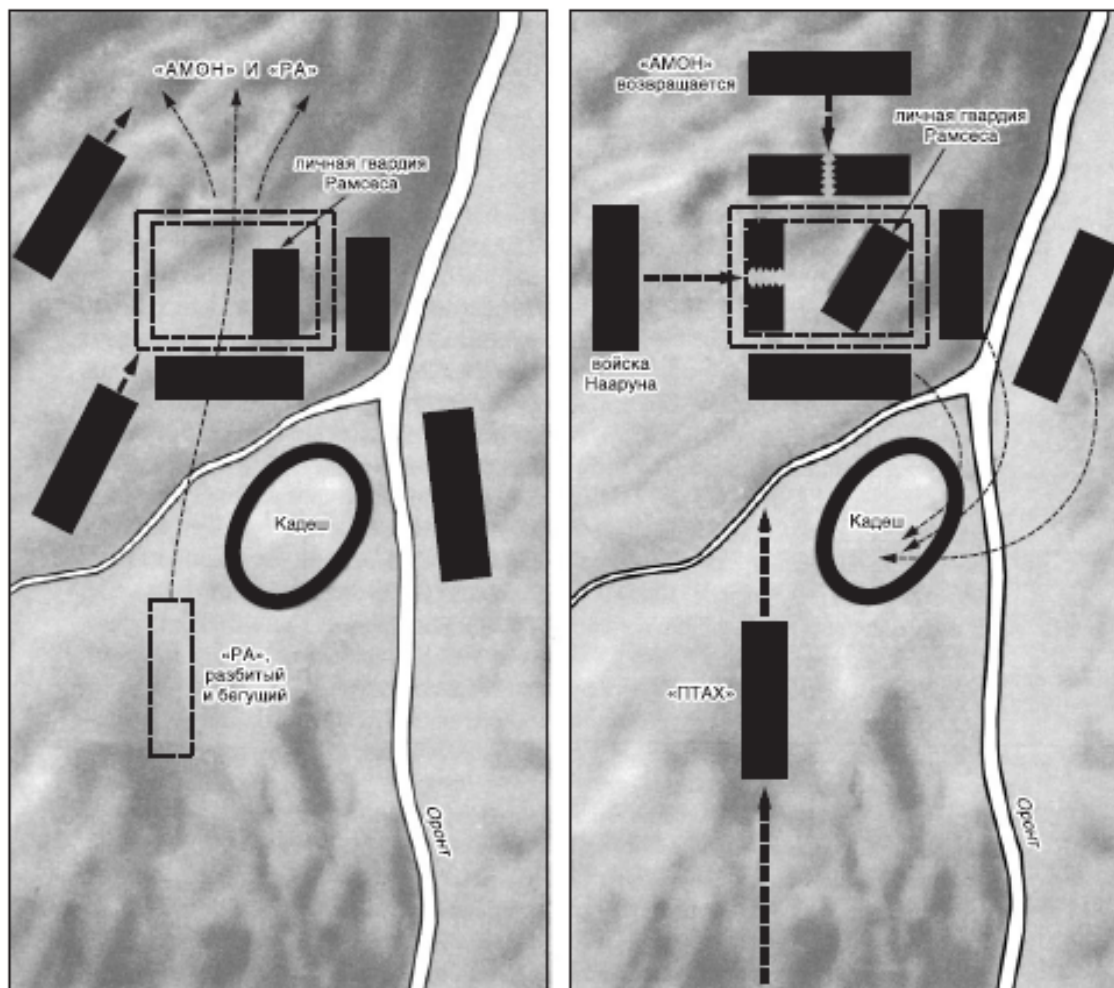
Хетты под руководством Муваталлу создали грозную армию, какой египтянам еще не приходилось противостоять. Но к 1288 г. у Рамсеса армия не уступала хеттской. Поздней весной этого года он достиг долины в верховьях Оронта на расстоянии одного дня ходьбы до Кадета. Рамсес разделил свою армию на четыре части и, возглавив отряд «Амон», начал переправу. Остальные последовали за ним. Он перешел реку близ Шабтуна, примерно в шести милях южнее Кадета, и двинулся на север. Ему не терпелось начать осаду, и он уверенно двинул отряд впереди своих основных сил, поскольку два хеттских дезертира сообщили ему, что основные силы хеттской армии находятся много дальше к северу. Но его обманули. Этих двоих «дезертиров» послал Муваталлу, чтобы заманить Рамсеса на север, в ловушку, устроенную хеттской армией, укрывшейся к северу от Кадета.

Когда Рамсес приблизился и, двигаясь в северном направлении, стал обходить Кадеш с запада, хеттская армия сначала двинулась через реку в восточном направлении, а затем к югу, так что город постоянно находился между ней и противником, избегая быть обнаруженной. В конечном счете они завершили блестящий маневр, отрезав Рамсеса с юго-востока. Египетская армия была разделена на две части. Рамсес оказался перед лицом превосходящих сил неприятеля. Остальные его отряды остались так далеко к югу, что было сомнительно, успеют ли они вступить в бой. Египетский царь осознал свое отчаянное положение, когда захватили двух хеттских шпионов – на этот раз настоящих, – которые признались, что хеттская армия находится за Кадешем.

Хетты сначала атаковали второй отряд египетской армии, названный «Ра». Застигнутый врасплох отряд «Ра» был расколот надвое, потом разбит на части. Около 17 тысяч вои-

нов, преследуемые отрядами колесниц и фалангами хеттов, бежали к лагерю фараона. Отряд «Амон» во главе с Рамсесом беспорядочно отступил. Казалось, разгром предопределен, но Рамсес предпринял отчаянную контратаку. Не сумев остановить хеттов в центре, он заметил, что их восточный фланг у реки ослаблен, и направил туда свои колесницы. Хетты все еще могли одержать победу. Они одолевали в центре, и для полной победы нужно было сосредоточить силы на восточном фланге. Но подвела дисциплина, и войска принялись грабить египетский лагерь. Это был критический момент битвы. Занимавшиеся грабежом войска проявили беспечность и были атакованы и смяты войсками Нааруна. Это была служившая в египетской армии отборная ханаанская фаланга глубиной в десять рядов, она только что прибыла с западного фланга, где была первоначально размещена. Одновременно с выправлением обстановки в центре египтяне продолжали упорно атаковать на восточном фланге. В этот момент техническое превосходство египетской колесницы, на вооружении которой находился дальнобойный составной лук, было решающим. Хеттские колесницы были менее маневренными, а воины на них имели лишь копье с небольшой дальностью полета.

Битва при Кадете

Муваталлу отбросили за Оронт, и он с 6 тысячами воинов встал на другом берегу реки. Теперь он был сильно ослаблен, поскольку в первой атаке по центру уже ввел в бой все свои колесницы, а пехота была бессильна перед лицом египетских колесниц. К вечеру подошел третий отряд («Птах») египетской армии. Тогда хетты отошли в Кадет и стали готовиться к осаде. Но египтяне отступили, не пытаясь занять город. Исход битвы оказался неопределенным. Рамсеса перехитрили стратегически, но в ходе сражения он руководил войсками настолько хорошо, что сумел, хотя и ценой огромных потерь, избежать поражения. Муваталлу после блестящего начала из-за ошибок в управлении войсками утратил преимущество, он также понес потери из-за отставания в технике.

С тех пор и хеттская, и египетская империи стали быстро приходить в упадок. Египтяне израсходовали свой имперский порыв, а хетты уже ощущали растущую мощь Ассирии.

Ассирия располагалась в бесплодной области в верховьях Тигра и поэтому стояла перед выбором – либо оставаться малой и слабой, либо разбогатеть путем завоеваний. Оставшийся после неудач египтян и хеттов вакуум власти дал ассирийцам этот шанс. Ассирийская экспансия началась в царстве Тиглатпаласара I (1115 – 1102 гг. до н. э.), и после него многие цари были весьма способными полководцами; величайшим из ассирийских завоевателей был Тиглатпаласар III (745 – 727 гг. до н. э.). Ко времени завоевания в 671 г. до н. э. Верхнего Египта ассирийцы господствовали над всем Ближним Востоком.

Ассирийцы не давали себе труда оправдывать сколачивание империи и не искали предлога для вторжения. Этот свирепый народ поклонялся жестокому богу Ашшуру. Крылатый диск с его изображением во время боя всегда устанавливали на царской колеснице и воздвигали

гали в каждом покоренном месте. Старшие военачальники одновременно были и жрецами, так что слово «бунтарь» было равнозначно слову «грешник», коего надлежало наказывать с крайней жестокостью. Обвинения города Аринны в «презрении бога Ашшура» было достаточно, чтобы разрушить его до основания. После победы пленных безжалостно убивали, совершая при этом религиозные обряды. Ассирийцы не приносили никаких благ покоренным народам. Наоборот, грабили каждую землю. Обычной политикой были жестокое обращение и массовые депортации, дабы увеличить население Ассирии. Чувства всех их подданных выражены в восклицании иудейского пророка Наума: «Горе этому кровавому городу!» Тиглатпаласар I хвастался, говоря о своих пленниках: «Я проливал потоками их кровь в долинах и высоко в горах. Я рубил им головы и сваливал, подобно кучам зерна, под стенами городов. Вывозил бесчисленные трофеи и пожитки».

Ассирийцы были первой великой военной державой железного века, и их оружие было прочнее и острее, чем когда-либо прежде. Они также первыми применили кавалерию, незадолго до 1000 г. до н. э. Было два рода конницы – лучники и копьеносцы. Оба применялись как на длинных дистанциях, так и в ближнем бою. Верховые копьеносцы обычно начинали атаку, за ними следовали пешие. Конные лучники атаковали с тыла или с флангов, действуя парами – один всадник стрелял из лука, другой держал поводья обоим коней и большой щит, способный прикрыть того и другого воина. Главной по численности силой в армии были колесницы с лучниками. Пешие войска состояли из копьеносцев, лучников и пращеметателей. Копьеносцы надевали тяжелые кольчуги и шлемы. Чтобы получить оптимальное соотношение надежности и мобильности, испробовались щиты самых разных размеров, форм и веса, но не остановились ни на одном. Копьеносцы обычно были ударной силой в рукопашных схватках, но они также играли важную роль при нападении на укрепленные города. Главную силу ассирийской пехоты составляли лучники, которые со своими совершенными составными луками участвовали в боях всех видов. В более ранние времена они одевались в длинные кольчуги, затем, при Тиглатпаласаре III (745 – 727 гг. до н. э.), коренным образом преобразовавшем все рода войск, их защищал огромный, выше человеческого роста щит с козырьком, который носили специально выделенные щитоносцы. Существовали и подразделения легких лучников. Тиглатпаласар III первым из ассирийских царей стал использовать пращеметателей. На одном из рельефов изображено, что они действовали парами позади лучников, их навесной огонь был особенно эффективен при штурмах городов, расположенных на крутых склонах. Все пешие воины кроме своего особого оружия были вооружены длинным прямым мечом.

На протяжении столетий почти непрерывных войн ассирийцы редко терпели поражение. Их армии в численности часто уступали противнику, к тому же не хуже вооруженному. А успех отчасти объяснялся тем, что цари Ассирии были одаренными полководцами. Но он также в значительной степени зависел от разумной организации. Будучи исконными восточными деспотами, ассирийские цари обладали абсолютной властью, позволявшей направлять все ресурсы государства на военные цели, к тому же они были весьма умелыми администраторами. Существовала регулярная армия, все взрослые мужчины должны были отслужить срочную военную службу – хотя на деле богатые могли, если хотели, откупиться или послать вместо себя раба. Пополнять личный состав должны были и покоренные народы. Центральное правительство, в частности, за счет дани с оккупированных ими земель хорошо обеспечивало войска и командиров. По завершении кампании часть трофеев распределялась среди войск. Армию подкрепляла собственная эффективная разведывательная система, а гражданские чиновники в провинциях регулярно направляли в центр информацию, которая могла иметь военное значение.

Внушительная мощь ассирийской армии практически не давала шансов остальным народам победить в открытом бою, и они полагались на защиту укрепленных пунктов. Поскольку нет подробных описаний сражений на открытых местах, невозможно с уверенностью говорить о стратегии и тактике ассирийцев в подобных операциях. Главная роль, видимо, принадлежала

колесницам, наносившим удар со всех направлений и вступающим в бой на любом расстоянии. Другие формирования подчищали то, что оставалось после колесниц. Самым наглядным свидетельством служит серия рельефов, относящихся примерно к 550 г. до н. э., изображающих сражение с эламитами и арабами на реке Улай. Похоже, что состоящая из легких лучников, пеших воинов и немногих всадников армия эламитов находится в отчаянном положении. Ассирийская армия, используя силы, соответствующие местности, состоит в основном из вооруженной луками и копьями конницы и пеших копьеносцев. На большинстве воинов тяжелые доспехи, но, кроме того, на поле боя движутся легко защищенные вспомогательные силы лучников, причиняющих значительный ущерб. Сцены начинаются с первой атаки и заканчиваются отступлением эламитов в реку и обезглавливанием пленных. Ясно, что конница и пехота введены в бой после того, как колесницы внесли замешательство в ряды противника. Конница действует в основном на флангах, не давая воинам противника уйти, всех их предстоит загнать в реку и уничтожить.

Ассирийские воины умело действовали в любой местности. На одном из рельефов изображены пешие воины, передвигающиеся по лесистой местности. Подразделение пеших копьеносцев движется развернутым строем отдельными шеренгами, охраняемое небольшими отрядами с тыла и с флангов. В холмистой местности, поросшей лесом, главную роль играют конные лучники и копьеносцы, действующие в контакте с пехотой. Они передвигаются колонной, в лесистой местности охраняемой пехотой. Самым ярким примером способности ассирийских войск действовать в сложных условиях служат десантные операции Синахериба (ок. 690 г. до н. э.) в болотистых районах дельты Тигра. Пешие войска выступают в качестве морской пехоты, врываясь в топи на легких лодках, маневрируя в зарослях тростника, выискивая неприятеля и сжигая его укрытия. Ассирийская армия, способная перебрасывать крупные соединения на большие расстояния в холмистой местности, проявляла максимум изобретательности и технического мастерства при преодолении естественных препятствий, особенно при форсировании рек. Еще на одном рельефе изображена переправа через широкую реку подразделений боевых колесниц с тяжелым снаряжением. Сами колесницы переправляют в больших лодках с гребцами, которым с противоположного берега с помощью канатов помогает передовой отряд. Коней переправляют вплавь, привязав к лодкам, а люди плывут на надутых козьих шкурах, стараясь не замочить оружие. Для переправы через небольшие водные преграды ассирийские саперы умели строить понтонные мосты.

Ассирийцы были весьма искусны в осадной войне. В данном случае успех был результатом максимальной координации действий и применения различных технических приемов: взятия штурмом крепостных валов, пробивания брешей в стенах и воротах, использования приставных лестниц, подкопов и психологической войны. Примером укреплений, с которыми ассирийцам приходилось иметь дело, служит массивная стена Мегиддо, построенная в начале XIX в. до н. э. Толщиной 7 футов у основания с выступами и нишами шириной 18 футов, она увенчана галереей с бойницами в парапете; дополнительным укреплением служит более низкая внешняя стена.

Ассирийская империя пала в конце VII в. до н. э., когда государство ослабил затянувшийся спор за наследование царской власти. Царь Вавилона Набополасар и индийский царь Киаксар объединились в союз, чтобы разгромить ассирийцев, ряды которых серьезно поредели в результате гражданских войн в 620-х гг. В 612 г. последний царь Ниневии Син-шарри-ишкун бросился в огонь своего пылающего города. Поражение и покорение были настолько полными, а массовые убийства и депортации жертв приобрели столь широкий размах, что ассирийский народ как таковой перестал существовать.

Глава 3

ДРЕВНИЕ ГРЕКИ

Героический век греческих войн начался приблизительно в 1400 г. до н. э. – именно в этот период происходила Троянская война. Сражения тех дней описываются как испытания доблести и героизма могучих воинов: Аякса, Гектора, Ахилла. Воины прибывали на поле боя в колесницах, спешили и вступали в единоборство, подбадриваемые сторонниками. Легко снаряженные ради быстроты и проворности, они имели по круглому щиту, два копья для метания и прямому мечу. Лук презирали как оружие трусов. Если копья не решали исхода поединка, следовало единоборство на мечах.

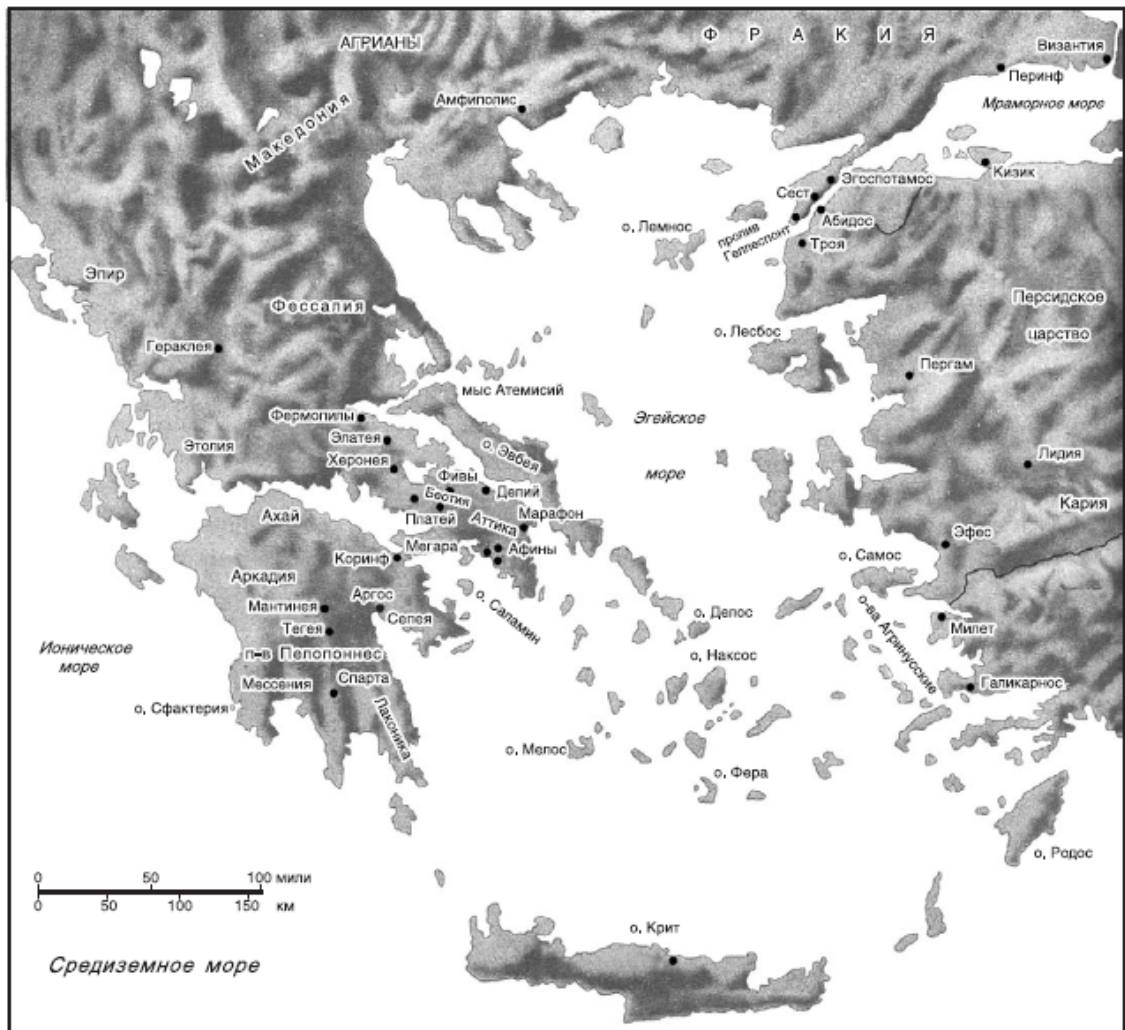
После 1100 г. до н. э. в Грецию с севера вторглись дорийцы. Последовало четыре черных столетия, во время которых Греция вступила в железный век. В конечном счете в начале VI в. в Греции наступил 250-летний период военного превосходства Спарты. Спарта была военным государством. Слабых младенцев оставляли умирать на горном склоне, а спартанских мальчиков и молодежь от семи до тридцати лет держали в казармах, где они учились соблюдать дисциплину и привыкали переносить трудности. Все мужское население состояло в высокопрофессиональной регулярной армии, каждый воин был предан правилу «победить или умереть». Экономические потребности обеспечивали рабы.

К 500 г. нависла угроза войны между Грецией и Персией. Во второй половине VI в. персы, воспользовавшись возможностями, открывшимися с исчезновением Ассирии, расширили свою империю в западном направлении, и в 500 г. греки с Ионических островов обратились за помощью к материковой Греции. Тогда Дарий решил завоевать всю Грецию. Перед лицом такой опасности все греческие города впервые объединились под спартанским руководством. Первое массированное вторжение персов было отражено в 490 г. до н. э. в Марафоне, второе в 480 – 479 гг. у Саламина и около Платеи. Греки одержали победы над многочисленными считавшимися непобедимыми персидскими войсками, потому что усовершенствовали два весьма эффективных средства ведения войны: фалангу гоплитов и трирему.

Вскоре после 700 г. до н. э. сражения между расположенными на расстоянии друг от друга свободными формированиями уступили место схваткам между плотными фалангами тяжеловооруженной пехоты, или гоплитов. С совершенствованием плавильной техники и экономическим процветанием большее число граждан могло позволить себе приобрести доспехи гоплита. Они состояли из восьмифутового копья, меча, шлема, нагрудной кирасы, наголенников и круглого щита диаметром около трех футов на левой руке. Шлем увенчивался гребнем, а щит часто украшался изображениями птиц и зверей.

Тактика фаланги гоплитов состояла в том, чтобы противостоять противнику сплошным плотным строем, чередуя щиты и копья. Во время боя каждый воин старался нанести врагу удар копьем в горло. Чрезвычайно важно было сохранять строй, ибо каждый зависел от соседа. Личных отличий полагалось добиваться не на поле боя, а в атлетических состязаниях. У Платеи спартанская фаланга состояла из восьми шеренг. Назначение задних шеренг состояло в том, чтобы заполнять бреши в передних, нести запасные копья и заниматься ранеными – добивать воинов противника и оказывать помощь своим. Чтобы поддерживать плотность рядов и избежать образования опасных брешей в передней шеренге, требовались дисциплина и целеустремленность. Исход битвы, которая обычно бывала краткой, решался твердостью и числом. Поскольку было важно максимально проявить силу в начальной стадии, вся мощь армии вводилась в бой без промедления. Если шеренга разрушалась, терпящие поражение гоплиты спасались бегством, так как в отсутствие резерва повторная атака была невозможна. Преследо-

вание продолжалось недолго, поскольку после напряженной схватки тяжело экипированные воины бывали полностью обессилены.

Древняя Греция

Тактика, как мы видим, была весьма ограниченной. Но благодаря превосходной подготовке и дисциплине спартанцы в такой войне оставались непревзойденными. Они внесли простое усовершенствование в атаку гоплитов, почти триста лет приносившее им победу. Поскольку каждый воин искал защиты за щитом соседа, наступающее войско, естественно, понемногу сдвигалось вправо. Получалось, что правое крыло фаланги в какой-то мере обходило слева фланг противника, и спартанцы пользовались этим обстоятельством. Обойдя противника с фланга, они разворачивались и разрушали его строй. Их медленное, но неуклонное продвижение под звуки флейт давало достаточно возможностей для маневра.

Одного короткого сражения бывало достаточно, чтобы решить исход кампании. Во всяком случае, плохие дороги, горная местность и строгие боевые порядки ограничивали масштабы стратегических или тактических замыслов. Войны ограничивались летними месяцами, поскольку единственным средством выманить противника из-за обнесенного стенами города и вступить с ним в бой было уничтожение его урожая и поголовья скота. Осады случались редко. Гоплиты почти никогда не применяли другого оружия. Конница могла бы быть полезной, если бы у греков было больше сильных коней. Но Греция с ее скудными пастбищами не годилась для коневодства, только фессалийцы обычно полагались на конницу. Персы, покорившие Азию благодаря лучникам и коннице, поставили греков перед лицом невиданных ранее способов

ведения войны, но и сами столкнулись с не уступающей по силе греческой фалангой. В сражении у Платеи (479 г.), после того как греки выдержали ливень стрел, Павсаний идеально рассчитал время атаки спартанских гоплитов, ударив по войскам противника, когда те сосредоточились в одном месте.

Греки не стремились совершенствовать средства ведения войны. Все они, за исключением спартанцев, не терпели дисциплины и не любили воевать. Они могли хорошо воевать, когда требовалось, но их интересовало и кое-что получше. «Самые сильные духом те, кто, имея совершенно отчетливое представление о страданиях и радостях жизни, не отступает в силу этого перед опасностями». Перикл, узнав об убийстве на Самосе юных афинян, почувствовал, «словно из года изъяли весну».

В героический век в Греции не велось военных действий на море, корабли использовались только как транспорт. Но к VII в. до н. э. появились военные корабли с носом, специально усиленным для тарана, и с палубами для пехотинцев, обстреливавших или захватывавших неприятельский корабль. Начиная приблизительно с 650 г. до н. э. в военно-морской тактике основное внимание отдавалось тарану и корабли стали длиннее, быстроходнее и более низкой посадки. Между 550-м и 500 гг. греки создали трирему, прототип галеры, которой предстояло господствовать в морских войнах до сражения при Лепанто в 1571 г. н. э. Трирема могла вмещать до 170 гребцов, каждый за одним веслом, весла, вероятно, располагались в три яруса с выносными уключинами, служащими дополнительными рычагами. Быстроходные и маневренные триремы открывали большие возможности для опытных мореходов. Первое сражение с участием флотилий трирем произошло у острова Лада в 494 г. до н. э., когда обладавшие превосходящими силами персы подавили восстание ионийцев.

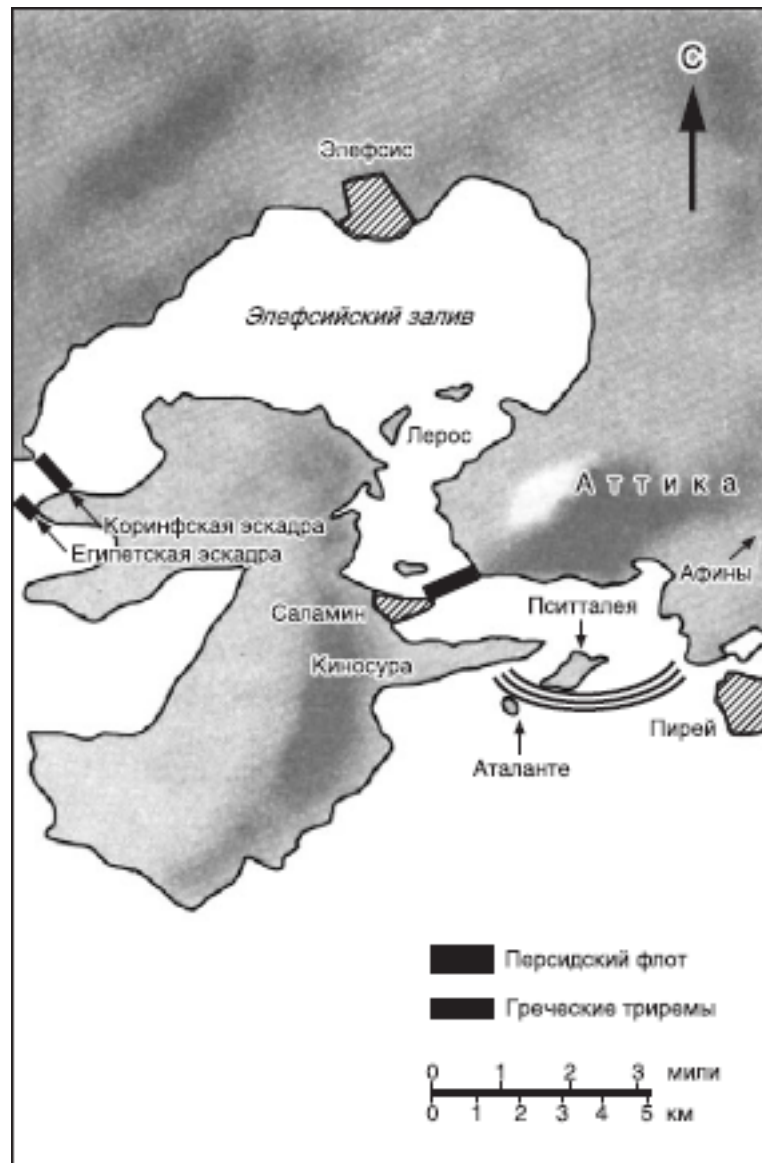
Весной 480 г. персидские войска во главе с Ксерксом в составе 160 тысяч воинов и, согласно Геродоту, 1207 военных и 3000 транспортных судов продвинулись в северную Грецию. На всегреческом собрании под председательством Спарты был согласован план обороны. Чтобы свести до минимума численное превосходство персов, было решено встретить их в узком Фермопильском ущелье примерно в 80 милях к северу от Афин и на востоке в Эвбейском проливе. Фермопильская операция должна была удержать Ксеркса и заставить его попытаться обойти греков с фланга в морском сражении, на которое греки возлагали все надежды. На север Эвбейского пролива послали флотилию из 324 трирем во главе со спартанцем Эврибиадом. Главной ее силой был афинский контингент под командой Фемистокла.

Персы намеревались взять штурмом фермопильский проход и закупорить греческий флот в Эвбейском проливе. Но, направляясь к восточному побережью Магнесии, персидский флот попал в шторм и понес значительные потери. Тогда Фемистокл убедил колеблющегося греческого адмирала атаковать немедленно, пока неприятельский флот не восстановил порядки. Последовало тяжелое, но не определившее победителя двухдневное сражение у мыса Артемисий. Персы вышли из боя в лучшем состоянии, а греки к концу второго дня подумывали отступить. Затем пришло сообщение о сдаче Фермопил. Спартанский царь Леонид с 7000 гоплитов (из них только 300 спартанцев) держались три дня против всей персидской армии. Но кончилось тем, что нашелся предатель, который показал обходной путь в тыл греков. Все до одного спартанцы погибли, и персидская армия, захватив ущелье, двинулась на юг к Афинам.

Греческий флот двинулся по проливу на юг и обогнул Аттику, теперь только он мог спасти Грецию. Задача состояла в том, чтобы склонить персидский флот принять бой в водах, устраивающих греков. Фемистокл решил, что такое место у острова Саламин, расположенного у входа в Элефсийский залив. К заливу можно подойти с запада или с востока. Восточный подход разделяется островом Пситталея на два очень узких пролива, каждый не более трех четвертей мили шириной. Большой персидский флот оказался бы зажатым в этих узких пространствах, и у опытных греческих мореходов открывались большие возможности. Однако теперь персы уже не нуждались в морском сражении. Предпочтут ли они пренебречь грече-

ским флотом? Боевой дух греков был невысок, поскольку Ксеркс к тому времени опустошил Аттику и безжалостно расправился с защитниками афинского Акрополя. Эврибиад колебался. Но Фемистокл решился на очень смелый замысел, имевший целью соблазнить персов захватить греческий флот. Он оставил пролив между Саламином и Мегарой незащищенным и 22 сентября 480 г. до н. э. довел до сведения Ксеркса, что «греками овладел страх и они подумывают о поспешном бегстве».

Ксеркс заглотил наживку. В ту же ночь его флот блокировал оба пролива у Саламина, а войска высадились на Пситталее. К рассвету большая часть персидского флота развернулась тремя рядами от Киносурь до Пирея. Греки быстро развернули свою флотилию из 366 трирем. Сражение начали персы. Из-за того что пролив оказался узким, их рядам пришлось разбиться на два кильватерных строя, финикийцы справа, ионийцы слева. Почти сразу строй нарушился, то ли из-за тесноты, то ли из-за бурного моря. Греческие суда пошли в атаку, и началась свалка. Тактика греческих трирем заключалась в том, чтобы срезать весла на неприятельских судах, делая их неуправляемыми, а затем таранить их в борта и иногда брать на бордаж. Решающими были действия афинян и эгинцев на левом фланге. Двигаясь вплотную к берегу, они оттеснили правый фланг персов к центру. Персы все больше и больше сбивались в кучу и ломали боевые порядки. Поначалу в центре бой шел на равных, а на правом фланге у греков, казалось, были затруднения. Но через семь-восемь часов напряженного сражения греки стали брать верх по всему полю битвы и афиняне угрожали зайти в тыл левого фланга персов. В результате ионийцы покинули поле боя. Персы оставили Пситталее и отошли к Фалеру. Цифры потерь точно неизвестны, но, во всяком случае, греки не были в состоянии преследовать противника, и их флотилия ушла к Саламину.

Битва при Саламине

Сражение у Саламина имело огромное стратегическое значение. Без флота, обеспечивавшего перевозки и охрану коммуникаций, Ксеркс решил оставить в Греции лишь небольшую армию, и ту греки в 479 г. смогли разбить при Платее. В V в. до н. э. Афины продолжали наращивать военно-морскую мощь, однако, говоря словами Фукидида, «рост мощи Афин и тревога, которую он вызывал у Спарты, делали войну неизбежной». В 431 г. до н. э. разразилась Пелопоннесская война. В следующие 27 лет в нее в разное время были втянуты почти все греческие города-государства. Расцвет афинского военно-морского флота пришелся на время Пелопоннесской войны (431 – 404 гг. до н. э.). Но Перикл уделял слишком много внимания чисто военно-морской стратегии. Он не осознавал, что Афины не могут победить без надлежащей армии, без сбалансированной морской и сухопутной мощи, и эта неосмотрительность привела к окончательному поражению Афин в 404 г.

По своей продолжительности и масштабам Пелопоннесская война превосходила все предыдущие войны, имевшие место в Греции. На протяжении всей войны и в первой половине IV в., когда борьба между Спартой, Фивами и Афинами за главенство в Греции продолжалась, ведение сухопутной войны переросло старые спартанские каноны.

Во время Пелопоннесской войны имело место несколько осад. Первым греческим городом, который в 424 г. взяли штурмом, был Делос. Его спешно воздвигнутые деревянные стены были сожжены огнем, выдувавшимся из гигантской трубы. Первым греческим знатоком в области фортификаций и осадного искусства был тиран Сиракуз Дионисий I (405 – 367 гг. до н. э.). Обороняясь от карфагенян, он сделал остров Ортигия неприступным, а на холмах Эпипол построил величественную крепость. Революционизирующим стало применение осадных башен и катапульт. Существовало два вида катапульт. Малые, «катапелтес», могли точно метать стрелы, копья и камни весом до 8 фунтов на расстояние до 250 ярдов, более крупные, «петроболос», могли забрасывать камни весом до 55 фунтов. В обоих случаях движущей силой были скрученные жилы животных или женские волосы. Правда, города чаще брали старыми способами: измором, с помощью пятой колонны и благодаря предательству.

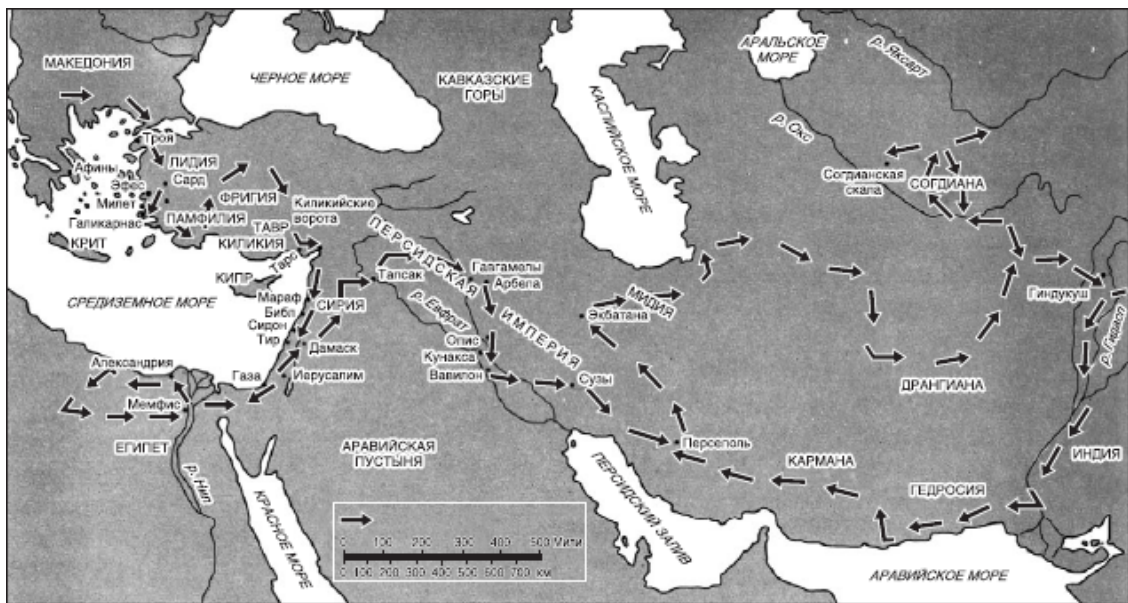
На протяжении этого периода оружие становилось разнообразнее, стали больше ценить конницу и легковооруженные войска. В 415 г. Никий доставил на Сицилию всего тридцать коней, но скоро увидел, что надо защищать фуражиров, так что пришлось увеличивать конницу. Но прежние препятствия для применения конницы оставались в силе. В летние месяцы, когда велись военные действия, не хватало кормов и воды и греки не знали подков и стремян – подковы придумали кельты в IV в. до н. э., а стремяна появились в Индии в I в. до н. э. Греческие кони были недостаточно сильными, чтобы нести доспехи, поэтому были уязвимы для ударов копьями, особенно в момент, когда конница разворачивалась после атаки. Но достоинства применения конницы на такой пересеченной местности, как в Греции, становились все более очевидными.

Подобным же образом стали признавать, что легковооруженные войска значительно лучше годятся для греческой территории, чем гоплиты, а в прошлом их презирали как варваров. Афиняне усвоили горький урок в 426 г., когда 120 гоплитов под началом Демосфена были истреблены этолийскими копьеметателями, решившими не идти врукопашную. Демосфен не замедлил создать в 425 г. отряд легковооруженных воинов и, к удивлению греков, задействовал его, пленив спартанцев на Сфактерии. Легковооруженные пешие воины обходились дешево, и созданию таких формирований способствовало развитие системы наемников. Многие греки, воевавшие в Пелопоннесской войне, когда та кончилась в 404 г., не знали никакого другого ремесла, так что они становились профессиональными солдатами. В 401 г. до н. э. персидский правитель Кир Младший нанял в свою армию 10 тысяч греков. Ксенофонт, описывая в «Анабазисе» пятимесячное отступление войск Кира к Черному морю, рассказывает, сколь многому они научились в отношении военных действий с применением легкого оружия, особенно луков, у горных племен, с которыми воевали, прокладывая себе путь. Между 399-м и 375 гг. наемниками за границей служили 25 тысяч греков, многие из которых, такие, как родосские пращники и критские лучники, вернулись, владея новыми приемами. В Афинах вскоре после 400 г. Ификрат создал по образцу фракийцев отряд пелтастов, наемных копьеметателей. Они были одеты в кожаные жилеты, имели при себе меч и щит и были обучены маневренной тактике. Во всех боях, кроме крупных заранее подготовленных сражений, они показали себя самыми эффективными пешими подразделениями, например, в 390 г. близ Коринфа уничтожили 600 спартанских гоплитов.

С созданием этих новых родов войск начала меняться и тактика. Последним крупным спартанским военачальником гоплитов старой традиции был победитель сражения при Амфиполе в 422 г. до н. э. Брасид. В 424 г. фиванский военачальник Пагонд, усилив правый фланг своей фаланги и применив конницу в качестве мобильного резерва, разгромил у Делоса афинскую армию. Наконец-то в Греции появилась передовая военная мысль. Ксенофонт отмечал, что «умное военное руководство состоит в том, чтобы атаковать там, где противник всего слабее». Армия Дионисия I Сиракузского состояла из объединенных частей гоплитов, легкой пехоты и конницы – большой шаг вперед. Действия фаланги были революционизированы

фиванским военачальником Эпаминондом в битве при Левктрах 371 г. Его тактика была простой, хотя требовала мастерства. Он считал за правило сосредоточить силы в главной точке боя, вместо того чтобы, как бывало в прошлом, расположить их так, что он повсюду оказывался слабым и нигде сильным. Стоя перед спартанской армией, он знал, что противник сконцентрирует силы на правом фланге, стремясь опрокинуть его левый фланг. Поэтому Эпаминонд выставил против спартанской фаланги косою строй. Он оттянул назад правый фланг и разместил ударную силу на левом, колонной глубиной в пятьдесят шеренг под прикрытием конницы. На удар спартанцев он ответил контрударом, одержал верх на левом фланге, сохранив достаточный резерв в центре и на правом фланге. Левктры, как и Рокруа в 1643 г. н. э., положили конец легенде о непобедимости. Действия Эпаминонда на следующий год после этой победы также свидетельствовали о его стратегической прозорливости. Из Фив он двинулся в Лаконию, освободил Мессению (основу экономической мощи Спарты) и объединил Аркадию – тем самым уравновесив то, что осталось от мощи Спарты на юге.

В 359 г. до н. э., вскоре после смерти Эпаминонда, царем Македонии стал Филипп II. Честолюбивый, склонный к авантюрам, но в то же время блестящий проницательный организатор, он считал, что города-государства Греции, не перестававшие жестоко враждовать на протяжении семидесяти лет, не объединятся, чтобы изгнать обладавшего сильной армией незваного гостя. «Силе предшествует обман, но конец вершит сила» – таков был метод Филиппа. В 338 г. до н. э. он одержал верх в сражении с Фивами и Афинами у Херонеи, что в конечном счете принесло ему господство над Грецией. После этой победы Филипп предложил грекам объединиться под его главенством и напасть на Персидскую империю. Но из-за его убийства в 336 г. дальше слов дело не пошло, и его план перешел в руки наследника – Александра. Армия Филиппа и его военные замыслы послужили основой будущих побед Александра.

Пути завоеваний Александра Македонского

Основными чертами военного искусства македонцев был упор на географические факторы, мобильность и взаимодействие родов войск. Предшествовавшие сражению при Херонее операции являют собой образец маневренности. Дальние форсированные марши совершались очень редко. Путь Филиппу в Беотию был перекрыт и по западному, и по восточному маршрутам. Для того чтобы скрыть свои намерения, он расположился в Элатее, заставив оборонявших западный проход ослабить бдительность. Затем, совершив ночной бросок к Амфиссе, нанес сокрушительное поражение 10 тысячам наемников и тем самым уничтожил крайний левый

фланг растянутой оборонительной линии. Теперь он мог навязывать фиванцами и афинянам сражение. Но он не двинулся прямо на восток навстречу главным силам противника. Этот путь был прямее, но по рельефу удобнее для обороняющейся стороны. Вместо этого он повернул армию обратно к Элатею, а затем быстро спустился через перевал Паропотамию и напал на противника у Херонеи.

Его руководство боем впервые продемонстрировало, что одна из греческих армий освоила успешное взаимодействие родов войск на поле боя. Противник выстроил сплошную линию, фланги которой защищали возвышенность и река. Филипп проделал в этой линии брешь путем трудного маневра – отступления с боем на правом фланге своей хорошо обученной фаланги. Левый фланг противника выдвинулся вперед, тогда как правый цеплялся за естественную защиту. Как только образовалась брешь, Филипп предпринял решающий удар, двинув слева конницу под командой 18-летнего сына Александра. В тот же момент пошла в стремительную атаку всей своей мощью фаланга.

Македонская армия, которой после смерти отца командовал Александр, была, как никогда раньше в Греции, превосходно организована, вооружена и обучена. Филипп объединил прежних македонских рекрутов и собственные царские вассальные войска в единую силу, включавшую все рода войск, в которой «территориальная армия» служила тактической опорой решающих действий «царской армии». Последняя состояла из двух элитных частей – кавалерии сподвижников и гипаспистов. Македонские конники всегда были на высоте, и теперь их роль в бою состояла в нанесении решающего удара на флангах или в бреши в тот момент, когда противника останавливала фаланга. Кавалерия состояла из восьми эскадронов во главе с командиром, каждый насчитывал по двести – триста конников. Они носили кирасы и были вооружены коротким копьем. Гипасписты были пешими воинами, вероятно вооруженными как гоплиты, но считавшимися профессиональной элитой. Их главное назначение состояло в том, чтобы в ходе боя обеспечивать тактическую связь между конницей и остальной фалангой. Но иногда они также двигались вслед за конницей, участвовали в ночных бросках и в штурме укреплений. Они подразделялись на три батальона по тысяче человек каждый. Царскую гвардию составляли батальон гипаспистов и эскадрон кавалеристов. Сам Александр обычно становился во главе кавалеристов, но время от времени возглавлял гипаспистов и фалангу, а однажды даже лучников.

Территориальная армия состояла из основной части пехоты – фаланги. В нее входили сначала шесть, а позднее семь подразделений, каждое из 1536 воинов, разделенных на отряды из 512 человек, в свою очередь разбитых на шеренги из 16 воинов. Во главе каждого большого подразделения стоял командир, Филипп первым в греческих армиях ввел у себя командную иерархию. Он также по-новому вооружил гоплитов, уменьшив размер щита и заменив 8-футовое копье 13-футовой пикой. Фаланга выполняла подчиненную, но чрезвычайно важную функцию – удерживать противника, когда конница наносит решающий удар. Имея такую твердую поддержку, сподвижники Александра могли побивать персидскую конницу, которая мало в чем уступала им. Филипп и Александр также набирали личный состав из населения подвластных и союзных государств, важнейшую роль здесь играли фессалийская тяжелая конница, фракийские копеещники, критские лучники и агрийские копьеметатели. Александр был первым военачальником, полностью включившим легко вооруженных воинов в другие рода войск; они хорошо проявили себя против персидских колесниц и в операциях против горных племен. Он также все больше доверял наемникам охрану коммуникаций, а в последние годы своей кампании создал конное войско из кочевников восточного Ирана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.